

К.В. Антонян*

Жанр *цзацзуань* в китайской литературе и словарь «Эрья»

АННОТАЦИЯ: В работе рассматриваются китайские литературные произведения жанра *цзацзуань*. Выдвигается гипотеза, что одним из факторов, обусловивших его формирование, мог быть китайский словарь «Эрья», составленный в III–II вв. до н.э. и включённый в эпоху Тан в число конфуцианских канонов, обязательных для заучивания наизусть. Семантическая классификация, принятая в «Эрья», представляла собой, по сути, лексико-философскую концепцию ойкумены [9]. Изучение «Эрья» и выучивание его наизусть способствовало формированию классифицирующего мышления и — шире — определённого склада личности. И это, в частности, могло обусловить появление такого специфического жанра, как *цзацзуань*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литературный жанр, *цзацзуань*, формирование жанра, конфуцианские каноны, словарь «Эрья».

В статье будут рассмотрены китайские литературные произведения жанра *цзацзуань* и, в частности, отражение этого жанра в произведениях японской средневековой литературы — дневниках и эссе, написанных в свободном стиле (т.н. *дзуйхицу* «следуя кисти», кит. *суйби* 隨筆). Будут высказаны также некоторые гипотезы о факторах, которые могли обусловить формирование этого весьма необычного жанра.

Термин «цзацзуань» состоит из двух компонентов: *цза* 雜 ‘пёстрый’, ‘разнообразный’ + *цзуань* 纂 ‘составлять’, ‘компилировать’. Буквальное значение этого термина — «разное», «смесь», «заметки о

* Антонян Ксения Владиславовна, к.ф.н., отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН, Москва, Россия; E-mail: kvantonian@yandex.ru

разном». *Цзацзуань*, отличающиеся оригинальной литературной формой и особой композиционной организацией, представляют собой очень своеобразный жанр китайской художественной литературы IX–XIX вв., не имеющий, по-видимому, аналогов в мировой литературе.

Впрочем, этот жанр никогда не считался жанром «высокой» литературы. Произведения этого жанра никогда не объединялись в общий свод, не учитывались в официальных библиографических изданиях и каталогах, не включались в собрания сочинений их авторов [11, с. 21–23]. Характерно, что термин «цзацзуань» не входит в предметный указатель энциклопедии традиционной китайской литературы [15, с. 1032–1050].

В отечественном китаеведении к исследованию жанра *цзацзуань* обращались Н.И. Конрад, О.Л. Фишман и И.Э. Циперович. И.Э. Циперович была составителем, переводчиком и комментатором единственного изданного в нашей стране собрания *цзацзуань* [10]. Все цитируемые в данной статье *цзацзуань* приводятся по этому изданию.

Особенность композиции *цзацзуань* состоит в том, что под одним заголовком группируется ряд высказываний: под общую рубрику подводятся очень разнородные, очень разноплановые ситуации, сходные по тому или иному признаку, например, по той реакции, которую они вызывают у человека. Объединяющий признак выражается заголовком. Ср. *цзацзуань* одного из классиков этого жанра Ли Шан-иня (И-Шаня), жившего в IX в. н.э.:

Очень напоминает:

- столичный чиновник — тыкву: растёт незаметно и быстро;
- нищий учёный — ворона: поёт, когда голоден;
- печать — ребёнок: всегда таскаешь с собой;
- уездный начальник — тигра: чуть шевельнёт лапой — убьёт;
- монахиня — мышь: вечно прячется;
- ласточка — монахиню: в одиночку не летает;
- служанка — кошку: где тепло — там приютится.

Заголовок синтаксически связан с каждой строкой и только вместе с ней образует законченную мысль, или изречение. В большинстве случаев имеет место инверсия: заголовок представляет собой суждение о той или иной ситуации, заданной в строке. Таким образом, строка задает тему, а заголовок — рему.

Строго говоря, жанр *цзацзуань* не обязательно юмористический. Так, например, у Ли Шан-иня встречаются дидактические, наставительные *цзацзуань*, в которых говорится о том, что следует и чего не следует делать, что прилично и что неприлично, чему следует учить детей и т.п. (ср. такие заголовки, как «Умно», «Неумно», «Глупо», «Непристойно», «Бестактно», «Навязчиво», «Неразумно»; «Наставляйте сыновей», «Наставляйте дочерей», «Десять запретов»).

Однако сама разнородность и разномасштабность подводимых под одну рубрику ситуаций порой создаёт юмористический эффект. Ср. следующий *цзацзуань* Су Ши (1037–1101):

Мало приятно:

- ходить в туфлях, которые жмут;
- в жару корпеть на экзаменах;
- быть закованным в цепи;
- в знойный день принимать незнакомых людей;
- жить с ревнивой женой до самых седин.

Именно разнородность причин, причиняющих страдание, даёт возможность улыбнуться и тем самым подняться над собственным несчастьем и взглянуть на него со стороны. Выстраивание такого ряда ситуаций является, по сути, одним из способов осуществить то, что в психологии называется рефреймингом — переосмыслением травмирующей ситуации.

Ряды, выстраиваемые авторами *цзацзуань*, заставляют вспомнить о рядах, выстраиваемых персонажами из гл. 6 «Чжуан-цзы», с весёлой готовностью встречающими и изменения собственного тела, вызванные болезнью (чудовищный горб — превращение левой руки в петуха — превращение правой руки в самострел — превращение всего человека в повозку, запряжённую лошадью, — *из всего этого можно извлечь пользу!*), и смерть («Что из тебя теперь получится? Куда тебя отправят? Превратишься ли в печень крысы? В лапку насекомого?» — *это интересно!*) [12, с. 162; 13, с. 88].

Может быть прослежено сходство структуры *цзацзуань* и структуры одного из типов китайских фразеологизмов — так называемых недоговорок-иносказаний (*сехоужуй*); об этом см. нашу работу [1].

Изречения Ли Шан-иня оказали большое влияние на литературу последующих эпох: им подражали, их переписывали, цитировали, образные выражения из них вошли в литературный обиход.

В литературоведении высказывалась мысль, что собрание «Цзацзуань» Ли Шан-иня оказало влияние и на японскую классическую и средневековую литературу, где есть произведения, в определённых своих частях сходные с *цзацзуань* по форме. Это, в частности,

отдельные отрывки из «Записок у изголовья» знаменитой японской писательницы X–XI вв. Сэй-Сёнагон и «Записок от скуки» известного японского писателя XIV в. Кэнко-хоси [3, с. 336–337].

Приведём некоторые примеры из «Записок у изголовья» Сэй-Сёнагон. Здесь и далее все тексты приводятся по изданию [8]; приводится номер раздела, или *дана*. Некоторые *даны* мы приводим в сокращении.

25. То, что наводит уныние

- Собака, которая воеет посреди бела дня.
- Верша для ловли рыб, уже ненужная весной.
- ...
- Погонщик, у которого издох бык.
- Комната для родов, где умер ребёнок.
- Жаровня или очаг без огня.
- Учёный высшего звания, у которого рождаются только дочери.
- ...

26. То, к чему постепенно теряешь рвение

- Каждодневные труды во время поста.
- Приготовление к тому, что ещё не скоро наступит.
- Долгое уединение в храме.

А вот отрывок из «Записок от скуки» Кэнко-хоси, буддийского монаха XIV в. [8, с. 316]:

- То, что желательно: изучение истинно мудрых сочинений, стихосложения, японских песен, овладение духовыми и струнными инструментами, а также знание обрядов и церемоний. Если человек возьмёт себе это за образец, превосходно.
- Почерк должно иметь не корявый и не беглый; обладая приятным голосом, сразу брать верную ноту; не отказываться выпить, несмотря на смущение, — это хорошо для мужчины.

Как отмечает И.Э. Циперович, «подобная форма была столь же необычным явлением в японской прозе, как и в китайской, и не удивительно, что для объяснения этого явления японские учёные обратились к *цзацзуань* Ли Шан-иня, ставя вопрос о возможном его влиянии на Сэй-Сёнагон. Вопрос этот в японском литературоведении до сих пор не разрешён, и в этой связи высказываются самые различные соображения» [11, с. 14–15].

В 1932 г. была опубликована статья японского литературоведа Икэда Кикана, посвящённая анализу «Записок у изголовья» Сэй-Сёнагон. Краткое содержание этой статьи приведено в монографии

[3, с. 337–342]. В статье приводится следующая классификация разделов (*данов*) «Записок»:

1. Классифицирующие записи.
 - 1.1. Посвящённые объективным фактам.
Горы. Моря. Водопады. Пруды. Рынки. Мосты. Здания. Сборники стихов. Темы стихов.
 - 1.2. Посвящённые субъективной духовной сущности.
То, что нельзя сравнивать (например, *дан* 71).
2. Классификация чувств: «примечательное», «очаровательное», «отвратительное».
3. Эссеистические: записи, сделанные в порыве вдохновения.

Рассмотрим более подробно подгруппу 1.1 — «Классифицирующие записи». Приведём (с некоторыми сокращениями) *дан* 38 «Пруды» [8, с. 63–64].

38. Пруды

- Пруд Кацумата. Пруд Иварэ.
- Пруд Ниэно. Когда я совершала паломничество в храмы Хацусэ, то над ними всё время с шумом вспархивали водяные птицы, это было чудесно.
- Пруд Мидзунаси — «Без воды».
— Странно, отчего его так назвали? — спросила я.
- ...
- Пруд Сарусава славен тем, что некогда его посетил нарский государь, услышав, что туда бросилась юная дева, служившая ему...
- ...
- Пруд Саяма. Чудесное имя! Невольно приходит на память песня о водяной траве микури.
- Пруд Коинума — «Пока не любил».
- Пруд Хара — это о нём поётся в песне: «Трав жемчужных не срезай»! Оттого он и кажется прекрасным.

А вот отрывки из *дана* 66 «Травы»:

- Аир. Водяной рис.
- Мальва очень красива...
- ...
- Трава омодака — «высокомерная». Смешно, как подумаешь, с чего она так высоко о себе возомнила!
- ...
- «Опрометчивая трава» растёт на берегу у самой воды. Право, душа за неё не спокойна.

- Трава «безмятежность», — хорошо, что тревоги её уже позади.
- Как жаль мне траву «Смятение сердца»!
- ...

В тексте «Записок» довольно много (не менее 30) классифицирующих *данов* (всего в «Записках» 306 *данов*). Иногда это просто перечисления примечательных в том или ином отношении объектов (гор, водоёмов, водопадов, храмов и т.д.), а иногда это перечисление сопровождается кратким комментарием Сэй-Сёнагон — воспоминанием, размышлением, усмешкой... И невольно возникает ощущение недоговорённости: даже если комментария нет — понятно, что этот объект был упомянут не случайно, что он был чем-то важен для автора...

И здесь мы позволим себе высказать одну гипотезу, касающуюся возможных истоков и жанра *изацуань* как такового, и его японских аналогов. Когда перечитываешь названия классифицирующих *данов* — «Горы», «Рынки», «Горные пики», «Равнины», «Моря», «Заливы», «Леса», «Буддийские храмы» и т.д., невольно возникает ощущение чего-то знакомого. Это заставляет вспомнить о совсем другом виде китайской литературы — а именно, о китайских словарях. И прежде всего о древнейшем из них — словаре «Эрья» («Приближение к изысканному», «Приближение к классике»), составленном в III–II вв. до н.э. Лексика в этом словаре сгруппирована по тематическому принципу, то есть он представляет собой тезаурус [5, с. 170–174]. По словам тангутоведа А.П. Терентьева-Катанского, переводчика словаря «Смешанные знаки [трёх частей мироздания]», представленное в «Эрья» членение [лексики] отражало определённую лексико-философскую концепцию соответствующей ойкумены [9, с. 17].

Вот названия девятнадцати глав «Эрья» [5, с. 39–40]:

1. Толкования. 2. Речи. 3. Поучения. 4. Родство. **5. Жилище.**
6. Утварь. **7. Музыка.** 8. Небо. 9. Земля. 10. Холмы. **11. Горы.**
- 12. Воды. 13. Травы. 14. Деревья. 15. Насекомые.** 16. Рыбы.
- 17. Птицы.** 18. Звери. 19. Домашние животные.

Жирным шрифтом мы выделили заголовки (названия глав «Эрья»), которые почти или полностью совпадают с заголовками классифицирующих *данов* в «Записках» Сэй-Сёнагон. Мы полагаем, что эти совпадения не являются случайными.

Словарь «Эрья» явился основой всей китайской лексикографии. Использованная в нём семантическая классификация лексики легла в основу целого ряда последующих словарей — как семейства

«Эрья» («Малый Эрья», «Расширенный Эрья» и др.), так и совершенно другого типа — вплоть до «Словаря современного китайского языка», издаваемого в наши дни Институтом языкознания Академии общественных наук КНР [16, с. 72; 5, с. 175–199]. «Эрья» оказал также огромное воздействие на филологические традиции других народов — в частности, тангутов (словарь «Смешанные знаки [трёх частей мироздания]») [9]. И, конечно, на японскую филологическую традицию.

Как отмечается в «Большом японско-русском словаре» под ред. акад. Н.И. Конрада [2, с. 462], не без влияния «Эрья» в Японии появилось несколько сот новых (национальных) иероглифов («кокудзи») (цит. по [7, с. 120]).

В одной из статей, входящих в энциклопедию традиционной китайской литературы [15], отмечается несомненное влияние «Эрья» на все последующие китайские словари, в том числе многоязычные, а также на китайские энциклопедии *лэйшу* ([14, с. 315].

В танском Китае словарь «Эрья» в 837 г. был включён в состав системы канонов (*цзин*) — философских памятников, которые должен был знать наизусть каждый образованный человек. Словарь «Эрья» — полностью! — выучивался наизусть. В нём была 2091 словарная статья, а покрывал он в общей сложности 4300 иероглифов [16, с. 68]. По данным, приводимым В.С. Колоколовым, вклад «Эрья» в иероглифический запас учащегося составлял 928 иероглифов (из 6544) [7, с. 119].

Была ли Сэй-Сёнагон знакома со словарём «Эрья»? Это вполне вероятно. Она выросла в очень образованной семье. У неё было четыре старших брата. Все они получили классическое для того времени образование. «Молодые аристократы должны были бегло читать и писать по-китайски, знать наизусть многие сочинения конфуцианских классиков и буддийские сутры, знать китайскую и японскую историю и основы законодательства, искусно сочинять стихи и играть на музыкальных инструментах, разбираться в тонкостях придворного этикета» [3, с. 19].

Вот ещё сведения о детстве Сэй-Сёнагон (это придворное прозвище; настоящее имя писательницы неизвестно; её детское имя — Нагико): «Расти в семье с богатыми культурными традициями и литературными контактами, да к тому же иметь четырёх старших братьев для японской девочки аристократического круга X века означало воспитываться в атмосфере литературных дискуссий, поэтических турниров и упорных занятий китайской классикой, которую мальчики целыми свитками заучивали наизусть. <...> Этого было достаточно, чтобы и без специального курса стать высокообразован-

ной по самым строгим „мужским“ стандартам того времени. Недаром впоследствии она приводила в смущение хэйанских вельмож великолепным знанием китайской классической литературы...» [3, с. 98].

Вот что пишет Т.П. Григорьева: «Сколь велики были познания Сёнагон и сколь подвижен ум, если, получив всего лишь ветку сливы с осыпавшимися цветами и с припиской: „Что вы скажете на это?“, она даёт молниеносный ответ: „Осыпались рано“, намекая на китайские стихи, которые тут же начинают скандировать окружающие. Император остался доволен...» [4, с. 9].

«Как-то императрица решила испытать Сёнагон: „Скажи мне, Сёнагон, каковы сегодня снега на вершине Сянлу?“ Ничего не ответив, Сёнагон велела открыть окно и подняла плетеную занавеску. И стало ясно, что ей знакомы стихи великого китайского поэта Бо Цзюй-и (772–846): „Солнце на небе взошло, // А я всё лежу на постели, // Холод в башне царит, // Накинул горой одеяла. // Колокол храма Иай // Слышу, склонясь на подушку. // Снег на вершине Сянлу // Вижу, подняв занавеску“» [4, с. 10].

Таким образом, есть все основания полагать, что Сэй-Сёнагон была знакома со словарём «Эрья». И — без всякого сомнения — с ним были знакомы китайские авторы *цзацзуань*. Напомним, что он был включён в систему конфуцианских канонов (в «Тринадцатиканоние») и подлежал обязательному заучиванию наизусть с 837 г.

А.И. Кобзев, анализируя систему традиционного конфуцианского образования, выделяет у канонов следующие три функции: когнитивную (познавательную), мнемоническую, а также суггестивную — связанную с внушением [6, с. 45].

Изучение и выучивание наизусть канонов (и в их числе — упомянутого словаря) формировало внутренний стержень личности. Давало в руки инструмент упорядочения пространства — как внешнего, так и внутреннего, ментального. Или, как говорят об этом психологи, эмоционально-личностной сферы.

Осмелимся утверждать, что стремление организовывать и упорядочивать свои знания, да и не только знания, — гораздо шире, своё ментальное пространство, свои чувства, свои воспоминания, свои радости и горести (и не только стремление, но и навык упорядочивать всё это с помощью классификации, а кстати, и сам состав классификационных «полочек») — всё это было обусловлено влиянием традиционного китайского образования, подразумевавшего изучение и выучивание наизусть «Тринадцатиканония». И в первую очередь — влиянием входящего в «Тринадцатиканоние» словаря «Эрья». Это влияние могло быть одним из факторов, обусловивших возникновение такого необычного литературного жанра, как *цзацзуань*.

Литература

1. *Антонян К.В.* Китайский юмор: цзацзуань и сехоуэй // Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма / Отв. ред. *Н.Д. Арутюнова*. М.: Индрик, 2007. С. 531–540.
2. Большой японско-русский словарь / Под ред. Н.И. Конрада. М., 1970.
3. *Горегляд В.Н.* Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. 380 с.
4. *Григорьева Т.В.* Следуя кисти // *Сэй-Сёнагон*. Записки у изголовья. *Камо-но Тёмэй*. Записки из кельи. *Кэнко-хоси*. Записки от скуки. Классическая японская проза XI–XIV веков. М.: Художественная литература, 1988. С. 5–22.
5. *Гурьян Н.В.* Первый китайский словарь «Эрья». Опыт историко-филологического исследования. М.: Восточная книга, 2014. 208 с.
6. *Кобзев А.И.* Каноны как учебники и учебники как каноны в традиционной культуре Китая // Проблемы школьного учебника. Вып. 19. История школьных учебных книг. М.: Просвещение, 1990. С. 32–50.
7. *Колоколов В.С.* Предисловие Го Пу к книге «Эр-я» // Китай: история, культура и историография. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 115–123.
8. *Сэй-Сёнагон*. Записки у изголовья. *Камо-но Тёмэй*. Записки из кельи. *Кэнко-хоси*. Записки от скуки. Классическая японская проза XI–XIV веков. М.: Художественная литература, 1988. 479 с.
9. *Терентьев-Катанский А.П., Софронов М.В.* Смешанные знаки [трёх частей мироздания]. М.: Восточная литература, 2002. 240 с.
10. Цзацзуань: Изречения китайских писателей IX–XIX вв. / Отв. ред. *Л.З. Эйдлин*. Пер., предисл. и примеч. *И.Э. Циперович*. М.: Наука, 1969. 98 с.
11. *Циперович И.Э.* Изречения цзацзуань в собраниях различных авторов // Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX–XIX вв. / Пер., предисл. и примеч. *И.Э. Циперович*. М.: Наука, 1969. С. 3–23.
12. Чжуанцзы // Мудрецы Китая. Ян Чжу. Лецзы. Чжуанцзы / Пер. *Л.Д. Позднеевой*. СПб.: Петербург – XXI век, 1994. 413 с.
13. *Chuang-tzŭ*. The Inner Chapters / Tr. by *A.C. Graham*. Indianapolis/Cambridge, 2001. 293 pp.
14. *Durrant S. Ching (classics)* // The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature / Ed. and comp. by *W.H. Nienhauser, Jr.* Bloomington: Indiana University Press, 1986. P. 309–316.
15. The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature / Ed. and comp. by *W.H. Nienhauser, Jr.* Bloomington: Indiana University Press, 1986. 1052 pp.
16. *Yong Heming and Peng Jing*. Chinese Lexicography. A History from 1046 BC to AD 1911. Oxford University Press, 2008. 458 p.

*K. V. Antonyan**

Genre *zazuan* in Chinese literature and the “Erya” dictionary

ABSTRACT: The object of study is *zazuan* (“miscellaneous wordings”) — a national-specific genre of Chinese literature. This paper hy-

pothesizes that one of the factors that might have lead to the formation of such a genre was the “Erya” dictionary, which was included in the Tang dynasty in the set of Confucian canons that had to be learnt by heart obligatorily. The semantic classification of words and phrases used in “Erya” presented, in fact, a model of oikumene [9]. Learning “Erya” by heart formed the classifying mind and the classifying approach to the world and its phenomena. This could be one of the factors that had lead to the formation of such a genre as *zazuan*.

KEYWORDS: Chinese literature, *zazuan*, Confucian classics, *jing*, “Erya” dictionary.

* Antonyan Ksenia Vladislavovna, senior researcher, Ph.D. (Philology), Department of East and South-East Asian Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; E-mail: kvantonian@yandex.ru